

«Общее библиотечное пространство: культурно-исторический аспект и вызовы времени»

Материалы «круглого стола» (Румянцевские чтения — 2009)

В рамках Международной научной конференции «Румянцевские чтения — 2009», прошедшей в Российской государственной библиотеке 21—23 апреля 2009 г., состоялась «круглый стол» на тему «Общее библиотечное пространство: культурно-исторические аспекты и вызовы времени».

Предлагаем вниманию читателей фрагмент дискуссии.

В.В. Федоров, генеральный директор Российской государственной библиотеки, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, вице-президент НП «Библиотечная Ассамблея Евразии», кандидат экономических наук

Тема нашего сегодняшнего обсуждения — единое культурное и библиотечно-информационное пространство. Иногда в рассуждениях об этом феномене исходят из постулата, заключающегося в том, что фундаментом для единого культурного пространства является политическое пространство. Я не согласен с этим суждением принципиально, потому что, с моей точки зрения, именно из таких ростков, как культурное пространство, может сформироваться и единое политическое пространство как некая вершина процесса. Конечно, в истории можно найти различные ситуации. Но, во-первых, нам нужно иметь в виду нашу общую новейшую историю, связанную с Советским Союзом — его образованием и 70-летним существованием, распадом и появлением новых государств. Во-вторых, мы обсуждаем библиотечные проблемы. Библиотекарь — это посредник между знаниями, которые накопило человечество, и читателями, гражданами, которым эти знания необходимы. И пока политики выясняют свои отношения (такая огромная страна не могла распасться так, чтобы все прошло тихо и гладко), библиотекари упрямо делают свою работу в новой политической реальности.

Библиотечная Ассамблея Евразии — добровольная общественная организация. Она была создана библиотекарями почти сразу после распада СССР и существует в настоящее время. И если за большой политической картиной мы не увидим эти связующие нас нити, тогда рискуем не понять главного — как жизнь трансформируется, как рождаются новые

отношения. Главная проблема, на мой взгляд, заключается в том, что мы не научились жить в новом качестве — в тайне надеемся на то, что нам удастся снова объединиться. Но древняя мудрость учит, что нельзя в одну реку войти дважды: все меняется. Речь может идти только о каком-то добровольном объединении, которое вызвано теми или иными объективными потребностями, потому что мы — соседи. И в этом смысле библиотечная сфера имеет колоссальные возможности для общей работы.

Много новаций появилось за последние два десятилетия в библиотеках стран постсоветского пространства, особенно в области информационных технологий, индивидуализируются программы развития. Это вполне естественно. Но в то же время мировая тенденция заключается в создании единой системы доступа к библиотечным ресурсам. И надо сказать, что не все однозначно в этом процессе.

Всемирная электронная библиотека (ВЭБ) — это идея и инициатива Библиотеки Конгресса США. Крупные библиотеки не слишком охотно на нее откликнулись. На сегодняшний день в проекте участвуют всего 32 библиотеки. Возьмем другой пример — Европейскую электронную библиотеку, для которой выбран принципиально иной подход, паритетный для всех стран: есть единая точка доступа и распределенный фонд. Этим она отличается от ВЭБ Библиотеки Конгресса США, где все «закачивается» на серверы одной библиотеки. Не видеть эти разные подходы к решению общей задачи, мне кажется, чрезвычайно опасно. Но есть и другая проблема — объединяются многоязычные ресурсы. Да, должен быть язык общения, но надо понимать, что если делается какой-то двусторонний сайт, то он должен быть как минимум двуязычный.

Можно привести много примеров объединения ресурсов и, как следствие, возникающих новых проблем. В Российской государственной библиотеке создана электронная библиотека диссертаций. Молдавская аттестационная комиссия обратилась к нам с письмом о том, что есть уже не только подозрение, но и уверенность, что многие молдавские соискатели «добросовестно» открывают нашу электронную библиотеку диссертаций, переписывают диссертации, переводят на молдавский язык и затем защищаются. С одной стороны, это плохо. Но с другой стороны, это говорит о том, насколько мы близки друг к другу. Аспирант и докторант вправе выбирать тот источник, которым ему удобно пользоваться. И не в наших

силах (я имею в виду библиотекарей) повлиять на все поведенческие особенности нашей аудитории.

Но что все-таки ценно? Несмотря на все эти трансформации, которые происходили и происходят на постсоветском пространстве, библиотекари как дружили — я имею в виду профессиональный смысл слова — так и продолжают поддерживать эту традицию. И нам надо, воспользовавшись накопленным опытом, лоббировать наши интересы в политических структурах и сообща двигаться вперед.

В чем сейчас нуждается любая страна, и Россия в том числе? В современной литературе, рассказывающей о том, что сейчас происходит в Кыргызстане, Казахстане, Беларуси и т. д. Русской книги тоже мало в странах СНГ. Библиотечный книгообмен фактически сведен на нет...

Приведу еще один пример в подкрепление того тезиса, что первично культурное пространство. В Центр восточной литературы РГБ приходят арабы, евреи, индусы, азербайджанцы. Объединяет ли их единое политическое пространство? Сказать трудно. Но здесь проходят научные конференции, встречи с писателями, мероприятия, которые рассказывают о культурных традициях народа. И в этом смысле библиотеки — уникальны. Если же говорить о тенденциях объединения постсоветского пространства — культурного, библиотечно-информационного, какого угодно — библиотеки находятся в авангарде этого процесса.

Р.С. Мотульский, директор Национальной библиотеки Беларуси, президент НП «Библиотечная Ассамблея Евразии», доктор педагогических наук

Да, действительно, библиотекари были если не первым, то одним из первых профессиональных сообществ, которое после распада Советского

Союза организационно объединилось. Это было и интуитивно, и чисто профессионально, и может быть, потому что библиотечное дело вообще очень консервативное — и в этом одно из его достоинств. Другим структурам было еще очень далеко до каких-либо объединений. Мы это прекрасно понимаем.

Но мы должны понимать и то, что очутились в совершенно новой и политической, и социокультурной ситуации. Как складывались судьбы империй и провинций после их распада — таких примеров в мировой истории более чем достаточно. Это похоже на сюжет из жизни семьи — сколько ни говори молодым: посмотрите, и холодильник полный, и борщ теплый, и комната отдельная, и даже этаж свободный с отдельным входом, но — им хо-

чется «полетать» самим. Они потом возвращаются, советуются. Но это потом...

Ситуация на постсоветском пространстве во многом схожа с этой бытовой — хочется «полетать» самим, самостоятельно. Пусть будет больно, пусть будет тяжело. И пусть кое-кому все кажется светлым и радужным, и хищников нет в этом полете. Такой сюжет повторялся тысячу раз за многовековую историю человечества.

В этом контексте стремление образовавшихся на постсоветском пространстве молодых государств сохранить и развивать свою национальную культуру не стоит рассматривать как противодействие влиянию российской культуры. Это объективная тенденция, объективный процесс. И он отнюдь не противоречит стремлению к объединению. Сохранять и развивать российскую культуру, российское присутствие — обязательно. Но здесь призыв «халва, халва» маловато, здесь нужны конкретные действия.

Почему я об этом говорю? Приведу несколько примеров. Да, за постсоветскую культуру идет ожесточенная борьба. Это надо признать. И в этой борьбе ситуация складывается следующим образом. Библиотекари — это люди без денег, имея благие намерения, они своими силами практически ничего сделать не могут. В.В. Федоров говорил о Всемирной электронной библиотеке. Надо понимать, что эту идею поддерживают и политики, и финансовые структуры. Есть Европейская электронная библиотека. Мы знаем, какие средства Евросоюз туда вкладывает, преследуя при этом свои цели. Я могу привести пример. Мы захотели вступить в эту библиотеку. Нам в ответ приходили письма примерно такого содержания: «А вы, товарищ директор национальной библиотеки, добейтесь, чтобы ваша страна и ваше руководство изменили свои политические ориентиры, вступило в Евросоюз, и мы вас примем в Европейскую цифровую библиотеку». Неплохой подход!

Библиотечная Ассамблея Евразии предложила: давайте создадим электронную библиотеку Содружества, исходя из идеи единого культурного пространства. Мы понимаем, что это дело не дешевое. С политической трибуны вроде бы все с этим проектом соглашались, но до сметы дело не доходило — и рвение наше поубавилось. Еще и по той причине, что мы имеем наглядный пример библиотеки Содружества, которая была инициирована еще в 2004 году. На словах ее поддержали все. В прошлом году я ее презентовал на выставке-ярмарке проектов Союзного государства. Все высокие лица сказали «Да», вручили протокол и т.д. Но все потом затихло.

Приведу еще один пример. Имея большие возможности в технологическом плане, мы прошли дальше других библиотек, обеспечивая доступ к различным базам данных. Соответственно стали посту-

пать различные предложения. Американцы при помощи посредников, фондов на постсоветском пространстве создали во многих публичных библиотеках центры доступа к своей информации — открытые, бесплатные — и проталкивают там свою достаточно агрессивную позицию. Кстати, у нас в Беларуси мы это дело прекратили. Позиция немецкого Института Гете куда более либеральная, но, тем не менее, тоже очень конкретная. А вот другая ситуация. Более года назад у нас появился представитель от Фонда Русский мир (фонд имеет высоких властных покровителей), с предложением: давайте, мы реализуем *какой-нибудь* проект, и *что-нибудь* у вас откроем: книжки закупим, стеллажи купим и поставим. Мы отвечали, что ни книг, ни стеллажей нам не надо — у нас своих книг достаточно. Предлагаем, давайте откроем виртуальный читальный зал российской литературы с теми электронными базами данных, которые есть в России — в финансовом плане это совсем небольшие деньги. Проведем презентацию, пережрем ленточку, повесим табличку и напишем, что сюда может прийти любой гражданин Республики Беларусь и получить бесплатный доступ к той информации, которую, с точки зрения России, полезно знать за ее пределами. Вот на том диалог и закончился, хотя при каждой встрече вопрос на эту тему поднимается. А ведь Фонд претендует на то, чтобы продвигать российские интересы в культурном пространстве во всем мире.

Для современной молодежи английский язык — не проблема, не барьер, а связи и отношения складываются и налаживаются, когда люди знают друг друга чуть ли не с детства — по школам, по организациям, по публикациям. И если мы ставим на одни весы: купить на рыночных условиях либо англоязычную, либо русскоязычную базу, то тогда мы должны откровенно говорить, что на тех же рыночных условиях, на тех же весах будут стоять и интересы государства. Это надо честно признать, честно себе сказать.

Хочу привести последний пример. Поскольку система обязательного экземпляра фактически ушла в прошлое, я не раз говорил с трибуны, в том числе и на Евразийском форуме по теме «Русский язык», который был два года назад, что один экземпляр выходящих в России книг, переданных бесплатно в национальные библиотеки, например Беларуси, Украины или Кыргызстана, это не деньги для России, если учитывать эффект культурного влияния на территории. Однако проблема эта не решается. Нет, так нет — значит, будем покупать русскоязычную литературу на рынке на тех же условиях и правах, как немецкую, французскую, американскую и т.д. Для нас это сейчас — иностранная литература.

Например, в нашей библиотеке за прошедшие три месяца практически не подписано казначейст-

вом ни одного счета на всю зарубежную литературу. И все по одной простой причине. Мне честно отвечают: баланс у нас отрицательный, 50% — экспорт, 70% — импорт. Это чистая экономика, и противостоять этому железному аргументу достаточно сложно.

Мы все заинтересованы, исходя из современных вызовов и реалий, которые есть — особенно в электронной среде — в том, чтобы русскоязычное пространство было сохранено, чтобы русская культура, русский язык занимали на этой территории достойное положение. Но для этого нужны действия и обязательно с двух сторон. Причем со стороны России более настойчивые, а не только «халва, халва».

Т.М. Гудима, советник министра культуры Российской Федерации, кандидат философских наук

Все законодательства стран СНГ развиваются как самостоятельные законодательные системы. И вмешательство в эту работу той или другой страны невозможно. Поэтому, скорее всего, нормативно-правовыми документами, через которые можно решать общие проблемы, являются разного вида соглашения и договоры, а также согласования законодательств стран СНГ, в частности, библиотечного и общекультурного.

Не надо доказывать, что единое культурное пространство должно опираться на близость законодательства. Если принципы разные, то вряд ли можно вообще говорить о каких-то контактах.

Помимо Совета глав государств, есть целый ряд органов, цель которых поддерживать и развивать отношения между нашими странами. В области культуры такой орган называется Совет по культурному сотрудничеству. Он собирается раз в полгода, и по статусу в этот Совет входят министры всех государств СНГ. Как правило, присутствуют представители и тех государств, которые не входят в СНГ.

Один из рабочих органов Совета называется Рабочая группа по изучению, анализу и координации законодательства в сфере культуры государств — участников СНГ. Каждое государство выделяет своего представителя. В основном это специалисты из юридических отделов государств. Действует специальная Комиссия по культуре, информации, туризму и спорту при Межпарламентской ассамблее.

Начинали мы почти с абсолютной похожести всех наших основных законов. Сейчас накапливается новый опыт, новая специфика, но пока это не вызывает никаких конфликтных ситуаций.

Общая тенденция понятна — взаимоотношения государства и культуры. К счастью, в законодательстве по культуре во всех наших государствах сохранен

принцип ответственности государства за состояние культуры. Государство ни в одной стране не отказалось от поддержки культуры, но формы поддержки в условиях рыночной экономики становятся иными. Раньше, какая была основная форма? Прямое финансирование — бюджет, смета и все по правилам. А сейчас говорят, что формы должны быть разные, например, субсидирование под определенные проекты, под определенную программу. Широко распространилась система грантов — форма бюджетной поддержки в условиях рыночных отношений.

Я хочу сказать еще об одной форме, за которую нас активно агитируют. Она называется — частно-государственное партнерство, то есть, чтобы в финансировании культуры соединялись деньги корпораций, компаний и государства. Агитируют за эту форму как минимум уже 4—5 лет. Но движется это все не просто медленно, но почти никак. Почему? Я знакома с мировым опытом, и могу сказать, что начало частно-государственного партнерства связано с тем, что государство находит способы привлечь конкретное физическое лицо к вложению денег в культуру. А чем привлекает? Налоговыми льготами. У нас же, как только заходит разговор о налоговых льготах, сразу говорят — «нет». И это не только в России.

Мы только в одном законе прописали эту прямую поддержку частно-государственного партнерства, в Законе о памятниках истории и культуры. В статье 14, 4-й абзац читаем: «Если физическое или юридическое лицо вкладывает свои средства на содержание и восстановление памятников, то оно имеет право на частичную компенсацию государством этих средств». И далее: «Размер компенсации и порядок выплат устанавливается правительством». Сейчас нет возможности давать такую компенсацию. А раз нет, тогда давайте и не будем говорить о частно-государственном партнерстве.

Конечно, это главная сложность национального законодательства. Можно написать хорошие нормы, но исполнения не будет.

Я изучала опыт использования в государствах СНГ модельных законов: три четверти этих законов переходят в национальное законодательство, а четверть — остается спецификой той или другой страны. В общем, это очень высокий процент использования.

В библиотечном законодательстве скоординированность национальных законодательств друг с другом наиболее высокая. Этому способствовал Библиотечный кодекс, который считается высшим пилотажем в законодательстве. Когда принимают кодекс, то это значит, что законодательство достигло высшей степени совершенства. Только в одной сфере культуры нам удалось принять кодекс — в библиотечной.

Если говорить об общем культурном пространстве, я убеждена, что оно есть. Это можно доказать

на примере законов «О культуре» — во всех государствах примерно одинаково определяется понятие «культура», ее функции, как она действует в обществе, то есть у нас столько общего, что на этой законодательной базе не может не быть общего культурного пространства.

И как же оно не общее, если я могу находить общий язык со столь разными людьми. Не так давно приезжала в Грузию — была в среде творческой интеллигенции, в обществе людей, которым дорого наше прошлое, которые добро его вспоминают, для которых фильм «Отец солдата», также как и для меня — один из лучших мировых фильмов. Поэтому это пространство есть, безусловно!

Поскольку я абсолютно убеждена, что критерием культуры любого общества является глубина усвоения духовных ценностей человека и реализация этих ценностей в человеческом поведении, для меня общее культурное пространство — это, прежде всего, поведение, людей: исповедуют ли они культурные ценности доброты, стоят ли они на позиции, что моя свобода кончается там, где начинается свобода другого — для меня это изначально есть основание для существования общего культурного пространства. А дальше это реализуется во всех многочисленных формах культуры.

Мне кажется очень точной позиция В.М. Межуева: если писатель написал книгу, факт культуры еще не состоялся, состоялся факт искусства, и появилось произведение искусства. Большое счастье, если оно хорошее. А вот когда человек прочитал книгу, когда человек присвоил эти ценности, тогда начинается факт культуры. Вот поэтому для меня важна глубина усвоения общих ценностей.

Вопрос из зала: С вашей точки зрения, какова судьба Модельного библиотечного кодекса и других законов в связи с принятием законов в области авторских прав и интеллектуальной собственности

Гудима Т.М.: Во-первых, в большинстве государств — членов СНГ этот закон пока не принят. Проблему практически ощутила только Россия, но думаю, что ощутят все. Потому что принятие Части четвертой Гражданского кодекса — это категорическое требование и условие вступления в Совет Европы и во все другие международные органы.

Коллегия Министерства культуры РФ недавно рассматривала вопрос о Части четвертой Гражданского кодекса. Я сейчас выражаю не только свое мнение, а мнение членов коллегии, которые по этому поводу высказывались. Конечно, надо выводить библиотеки из действия этой нормы! Здесь есть одно направление — уточнять функции библиотеки, подчеркивать ее просветительскую роль, то есть рассматривать распространение источников как необходимый элемент ее деятельности.

М.Д. Афанасьев, директор Государственной публичной исторической библиотеки, кандидат педагогических наук

Есть одна такая парадоксальная закономерность. Политическая жизнь, политические взаимоотношения между странами и профессиональная жизнь, профессиональные взаимоотношения, в данном случае библиотекарями разных стран, не просто не совпадают в своих пиках и падениях, но развиваются абсолютно автономно, как будто профессионалы не знают, что происходит в политической жизни. Я приведу несколько таких абсолютно крайних примеров.

Первый, кто решил создавать сеть публичных библиотек в Европе, был, с точки зрения тогдашнего русского общества, узурпатор — Наполеон. Он был еще первым консулом, и уже императором подписал указ о создании публичных библиотек в каждом регионе Франции, в каждом департаменте. Это был 1807 год. Потом был 1812 год. А в 1830 г. Министерство внутренних дел Российской империи повторяет почти слово в слово указ Наполеона с предложением создать публичные библиотеки в губернских городах — губернские публичные библиотеки.

Другой пример — Крымская война. В то время, когда англо-французские войска штурмуют Севастополь, главный библиотекарь Императорской публичной библиотеки Соболевский едет во Францию, в Англию для того, чтобы познакомиться с тем, как организована работа Королевской библиотеки во Франции и библиотеки Британского музея в Великобритании, составляет очень подробный отчет с тем, чтобы все то, что он увидел, использовать при строительстве нового здания столичной Императорской библиотеки.

Первая мировая война. В 1914 г. в Москве издаются в переводе с немецкого языка инструкции по организации малых библиотек, организации библиотечного дела по библиотечной технике.

И, наконец, то, о чем мы с вами помним — профессиональные контакты советских и зарубежных библиотекарей в годы Холодной войны.

Такие примеры можно продолжить. Как это ни парадоксально, но в библиотечном сообществе профессиональные ценности оказывают такое сильное влияние на сознание людей, что политическая сфера, другие сферы не мешают профессиональному общению. И более того, вне зависимости от политического контекста, профессиональное общение существует и действует.

Правда, здесь все не так просто. Есть вещи в системе ценностей, которые объединяют всех библиотекарей как профессионалов — это признание

ценности читателя как такового, убеждение, что все библиотеки и все книги существуют для того, чтобы ими пользовались читатели. Это фундаментальная вещь. И вроде бы библиотекари всего мира должны быть едины в своих порывах, и тогда у нас в библиотечном мире не было бы проблем.

На самом деле ситуация несколько сложнее, потому что и в системе профессиональных библиотечных ценностей есть разные традиции. Есть разные представления о библиотеках, о библиотечном мире, и самое главное — о том, как должна действовать библиотека. И в этом смысле мы сейчас стоим перед выбором.

Библиотечно-культурное пространство в мире не однородно. Есть несколько моделей библиотек, и каждая модель имеет свою систему ценностей. Очень упрощая ситуацию, назову эти модели, и мы увидим, как сегодняшние библиотекари на постсоветском пространстве так или иначе поставлены перед выбором такого рода моделей.

Исторически первая модель — это модель французской просвещенческой библиотеки, где во главе всего стоит иерархия знаний: высокое знание, полезное знание, и есть вещи менее полезные, и есть вещи вредные. Наука реализует светскую модель прогресса человеческого. И эта модель создается людьми образованными, которые познают истину для того, чтобы просветить людей необразованных.

Вот такая просвещенческая модель, в принципе, действовала и была главенствующей в европейских, в том числе и российских, библиотеках весь XIX век. Революция в библиотечном деле произошла тогда, когда в конце XIX в. — начале XX в. значительно продвинулось знакомство с библиотеками в Соединенных Штатах Америки. И вдруг выяснилось, что есть другая модель. Именно американская модель привнесла в Европу (это было для Европы революционным поворотом) представление о человеке, в данном случае о читателе, как о высшей ценности библиотеки. Этого просвещенческая библиотека не предполагала. Для просвещенца высшей целью являлось знание, и его надо было человеку внушить, чтобы он его освоил.

Американская библиотека, родившаяся в рамках протестантской этики, в которой человек осознается как партнер Бога, создавалась как система, ориентированная на интересы человека: если читатель хочет что-то знать, значит это — высшая ценность, выше этого ничего нет. Вот эта модель публичной библиотеки (Public library) пришла в Европу. И французские исследователи осознают, что та библиотека, которая была в начале XIX в., никакого отношения к сегодняшней библиотеке, ориентированной на читателя, на его ценности, не имеет.

И во всем мире начался процесс замещения или конкуренции этих двух моделей. В конце концов,

в Европе библиотека имеет и элементы просвещенческой библиотеки, и элементы публичной читательской библиотеки.

Советская модель оказалась третьим вариантом, потому что к 1917 г. наша просвещенческая библиотека получила достаточно сильный заряд идей публичной библиотеки. Этим занималась Любовь Борисовна Хавкина и все, кто работал с западными библиотеками.

Что происходит сегодня? Сегодня на постсоветском пространстве мы имеем традиционную систему советской модели библиотеки. Одновременно есть чрезвычайно сильное влияние западноевропейской и в первую очередь американской модели. Какая же задача сейчас стоит перед нами, перед людьми, которые хотят сохранить общебиблиотечное пространство, сохранить ту профессиональную коммуникацию, в которой мы все взаимно заинтересованы?

Речь может идти о том, что есть некие профессиональные точки соприкосновения, в которых мы, как библиотечные профессионалы на постсоветском пространстве, можем, готовы и должны сотрудничать.

Проблема комплектования библиотечного фонда. Она волнует всех библиотекарей и чрезвычайно связана с традицией и с моделями библиотек. В нашей российской модели проблема комплектования значит гораздо больше, чем просто выбор книг. Мы не можем в одночасье взять и сказать, что мы теперь такие-то книги не берем, а начинаем комплектовать библиотеки другими. В нашей библиотеке раз в три года мы проводим семинар по этой проблематике. Сначала мы его делали только для западных библиотек, комплектуемых русскими книгами. Последний семинар уже включал и библиотекарей СНГ.

Сегодня я должен с прискорбием констатировать, что основной административный механизм, который существовал с 1945 г., я бы сказал, международный механизм — книгообмен — заканчивает свое существование. Характерный пример: мы получили письмо от немецкого общества, которое с 1945 г. снабжало немецкие библиотеки книгами через книгообмен, о том, что оно выполнило свою функцию и прекращает книгообменные операции. Это очень характерный знак того, что эта система на уровне государственной и политической поддержки исчезает. К этому надо добавить, что наше законодательство сегодня международный книгообмен не предполагает. Мы идем на нарушение законов, потому что мы покупаем за бюджетные деньги книгу и отправляем ее за рубеж. И если говорить о комплектовании, если говорить о сохранении этой системы, ответственность за нее теперь ложится только на сами библиотеки, только на профессиональное сообщество. Эта ответственность ложится на БАЕ и другие международные организации.

Вторая сфера — это обмен выставками, информационное взаимодействие между библиотеками. Здесь у нас был почти 20-летний провал. И в этой работе ответственность из сферы межгосударственной ложится на профессиональное сообщество. Мы должны находить новые формы, поскольку очень сложно перевозить книги через границу. Мы повезем электронную выставку, будем работать с цифровыми документами.

И, наконец, нельзя исключать такую сферу как личные взаимоотношения, как личное общение. Даже такая вещь, как ознакомительные экскурсии или совместный отдых библиотекарей, есть чрезвычайно сильный фактор сохранения нашего культурного и профессионального пространства.

«Гуманитарно-просветительская деятельность библиотек»

Форум библиотекарей Беларуси

В Национальной библиотеке Беларуси 25–27 мая 2009 г. проходил форум библиотекарей Беларуси на тему «Гуманитарно-просветительская деятельность библиотек в контексте общечеловеческих ценностей и белорусской государственности».

В форуме приняли участие 443 человека: специалисты библиотек различных министерств и ведомств республики, а также представители Национального собрания Республики Беларусь, министерств юсти-

ции, культуры, образования, информации Республики Беларусь, Национального центра правовой информации, РУП «Белпочта», Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Открыл пленарное заседание заместитель министра культуры Республики Беларусь, председатель форума В.И. Кураш, который выступил с докладом «Государственная политика в области библиотечного дела страны». Председатель Белорусской библиотечной ассоциации, директор Минской област-